

Валерий ДУДАКОВ

ИЗБРАННОЕ

IV

Валерий Александрович Дудаков

Избранное IV

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24865952

Избранное IV: ПРОБЕЛ-2000; Москва; 2017

ISBN 978-5-98604-612-9

Аннотация

«...Заказ обозначен, указаны сроки,
Я выведу в рань, уж зарделись восточки,
И темень сползает с вершин.
В окно загляну, а за рамой тревожно,
Прищурюсь слегка, разглядеть невозможно
Шуршание робкое шин...»

Содержание

Донбасская	6
Ещё раз о любви по Маяковскому	8
Перед отъездом на дачу в пургу, перечитав О. Мандельштама	10
Ночное послание	12
Посулы января	14
Смутная математика рассвета	16
Когда же будет пробужденье?	18
Когда прорывает	20
Утро с Фаби	22
Февраль на март	24
Приближая весну	26
Свет огонька	28
Опять ожидание (в день св. Валентина)	29
Памяти Станислава Юлиановича Жуковского на выставке в Даевом переулке	31
Странный февраль	34
Опять о лучевом	35
Посвящается родословной отца моего, Дудакова Александра Пантелеевича, 1920 г.р., село Фашевка (фрагмент)	38
Зверь	43
Я видел птицу	45

На выставке Лукаса Кранаха Старшего	47
Рассвет с Фаби на даче	49
Загорянское утро	51
Пунцовые щёки апреля	52
Высокая участь	53
Покой апреля	54
Немухину – вечно	56
Апрельский призрак	58
Звезда апреля	60
Кануны Пасхи	61
Миндаль в Нагасаки	62
Первые дни мая	63
Не заладилось утро	64
Что-то взгрустнулось	66
Услышь	68
Хвала ступе	70
Вспоминая наше плавание	72
На девятое мая	74
Яблоням мая	76
Тяну я груз знакомств	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Валерий Дудаков

Избранное IV

© Дудаков В.А., 2017

* * *

*Марине – с любовью
Друг с другом трудно мы сближались,
Мелькали быстро жизни дни,
И незаметно показались
Вблизи вечерние огни.
Куда идем в какие дали,
Какие светят берега?
Быть может, мы другими стали,
Но души юны навсегда.*

Памяти предков, родителей и ушедших друзей

Донбасская

Запрягались храпящие кони
Февралём, что стреножены зря,
И в предчувствии этой погони,
Так тревожно алела заря.

Гей, вы, посвисту верные рати,
Пусть судьба отведёт от беды,
Поскорее проснуться старайтесь,
Из криницы напейтесь воды.

Разлетайтесь железным потоком,
Вам ли страхи копить, удалым,
Всех разбудит ваш яростный топот
По равнинам и взгоркам седым.

Пусть судьба непослушная злится,
Пусть тревожно кричит вороньё,
Только выйдет под утро девица,
Проводить с вами счастье своё.

Запрягались взыгравшие кони,
Те, что в битвах бывали не раз,
Эх ты воля, что гонит в погоню,
Непокорный, привольный Донбасс.

2016

Ещё раз о любви по Маяковскому

Что мне печалиться
да Маяковского вспоминать,
Семьдесят – это тебе не подарок,
Да и не брякнешь сдуру: опять, вашу мать,
Свеча догорает, в остатке огарок,
И дымится не лавандой, не ладаном он,
А всякой неприличной чертовщиной,
Проснёшься – неясно, о чём, о ком
Вспоминаешь, а годы катятся мимо,
Только считай как рельсов перестук,
Там двадцать было, там тридцать, там сорок,
Ну, чёрт с ним, было бы «полтинник», друг,
Но семьдесят с лишком, какой-то морок.
Со всеми перессорился, всех разогнал,
Подруга говорит: «Индульгенция от Папы
На розни и козни». А товарищ: «Нахал,
Не поэт ты, а чокнутый чёрт бородатый,
В стихах утопший бесконечных своих,
Неймётся всё, терзаешься вопросом вечным».
Так что же случилось всё
с папиной присказкой:
«Хотелось, моглоь что б, пелось, пилось»,
Не надоело повторять такой примитив?
Да, в семьдесят задраивают

канализационный люк,
Все сточные воды под землю прячут.
Звоню как-то другу, а жена его вдруг
Смеётся, когда жалуясь:
«Да всю жизнь вы скачете,
Будто зайцы по резвой траве,
И уж никто не обращает внимания,
Пойди, разберись, что у вас в голове,
В разлуках ваших и ваших свиданиях».
Что жизнь бывает то заносчива, то мила,
Это знакомо – терпеть и мучиться,
А прочее, выдержать, как говорят,
Может тогда и что-то получится.

2016

Перед отъездом на дачу в пургу, перечитав О. Мандельштама

Заказ обозначен, указаны сроки,
Я выеду в рань, уж зарделись востоки,
И темень сползает с вершин.
В окно загляну, а за рамой тревожно,
Прищурюсь слегка, разглядеть невозможно
Шуршание робкое шин.

Спешит же водитель, за окнами ветки
Кольшимы ветром, погоде в отместку,
Сижусь, дожидаясь в тепле.
Там гаснут огни уходящего утра,
Такси заказал, поступаю так мудро,
Как ведьма лететь на метле.

Мой дальний маршрут, проскочу спозаранку,
Такси пробежит как на сказочных санках
В рассвет, разгоняя пургу,
На дачу, там вся в ожиданье собака,
Но медленно движутся стрелки однако,
И темень вокруг, ни гу-гу.

Машина приходит на полчаса раньше,
Я выйду на стужу, слегка не проспавшись,

Зелёный горит огонёк.

Включится мотор, снег отчаянно кружит,

Построен маршрут, но подсказ нам не нужен,

На дачу меня увезёт.

2016

Ночное послание

Вчера прошёл буран,
Как буйное веселье,
Укутал плотно сад,
От прихотей устав,
Уж коли Рождество,
То и за ним Крещенье,
Зима пушит январь,
Сугробы наметав.

Чернение ночи
Узором дагестанским,
И отсветы снегов
Ей вызолотят грудь,
В судьбе моей шальной,
Капризной и цыганской,
Господь, меня смири,
И выпрями мой путь.

Я музыкой стиха
Плету в ночи руладу,
Не ведая часов,
Пусть стрелки вмиг замрут,
Пишу, спеша, опять,
И больше нет мне сладу,

Фантазий вольных рой,
Куда, куда несут?

Ленивою луной
Подсветит небо утро,
Сребристый сонный луч
Сугроб нагой лизнёт,
Без суетных забот
Слагаю поминутно
Строку, посланье той,
Кто пробужденья ждёт.

2016

Посулы января

Всходило солнце жёлтое, седое
Мороз царапал ветвями рассвет,
И каждый знал: настало время злое,
Но от него давно защиты нет.

Как дальше жить, неведомо невеждам,
Гадай на гуще, то что будет впрямь,
И снова кто-то ложною надеждой
Нас призывал смириться и терпеть.

Сулил нам счастье новый вождь беспечно,
И репродуктор хрипло подвывал,
Из века в век дурил нас бессердечно
Толь подлый враг болтливый, толь нахал.

Он обещал порой золотые горы,
Чуть потерпи, а дальше хоть пляши,
Такая чушь, что с ней не будешь спорить,
Не надо вешать на уши лапши.

Шёл снег сплошной, и ветер дул колючий,
Туман густой попутал берега,
И от морозов яростных и жгучих,
Январский ангел прятал нас в снега.

Всходило солнце, не неся надежды,
Мороз царапал ветвями рассвет,
И каждый знал, что будет всё как прежде,
И от судьбы давно защиты нет.

2016

Смутная математика рассвета

Проштопано лапами елей осипшее небо.
Всего полшестого.
Разделена ночь лишь на белый и серый.
От белого ключья зависли на лапах тех елей,
Что сбросить снега не успели,
В тревоге проснулись
и маются грузом тяжёлым,
Согнули берёзы в морозе продрогшую спину.
Всего полшестого.
Кто месяца сгрыз половину?
Толь ворог, а толь вороватый и тающий свет.
И, кажется, вечность,
и, чудится, столько уж нет.
Изломана строгим углом
белоснежная крыша сарая.
Извлечь собралась она корень из дачных утех.
И кто-то разметил полотно снега
от края до края
Еловыми шишками, метя грядущий рассвет.
Вспорхнула с карниза,
взлетела, стремглав птичья стая,
Дрожат в перекрытых деревьях
следы от невидимых миру частиц.
Какие-то равенства и биссектрисы

прочерчены смутно,
И кто-то безумный понять их решит.
Приближается утро...

2016

Когда же будет пробужденье?

Которую неделю беспробудно темень,
И неба серый холст.
На нём эскизы брошенных берёз,
Провалы снега, тусклые огни,
Не видел безотраднее картины.
Засыпан снегом лес, бугор до половины,
И спрятался под ним коварный крысолов.
Гуляют по земле хвостатых крыс стада,
Метут позёмками. Пищат, туда-сюда
Мелькают серые безжизненные спины,
Скорее б чёрт пронёс,
Куда бегут они, не ведомо. Мороз
Им иссушил бока и выдубил все шкурки.
В ближайших опустевших закоулках
Какой-то лагерный покой и тишина.
В невидимых строеньях
прячутся «придурки»
В тепле и сытости. По-видимому, вновь
Свихнулась вся страна.
В морозном затаилась исступленье,
И утро серое так медленно ползёт,
беззвучно суетятся крысы,
В камерке папы Карло продырявлен холст,
Очаг погас. Когда же будет пробужденье?

2016

Когда прорывает

Завернуться б в снега,
Нахлобучить бы ветку сосны,
Её хвоей шершавой
Лицо расцарапать до боли,
Как достал уж февраль,
Дотянуть бы до ближней весны,
Я от ноши устав,
Осердясь, всё ж тащусь подневолью.

Старый груз давит прошлым
И тяжестью горьких обид,
Как бы скинуть его
И не рыться в ночных покаяньях,
Непокорная совесть
Под утро отчаянно свербит,
Но никто не придёт,
Не сочувствия нет, ни вниманья.

Убежать бы туда,
Где ничья не ступала нога,
Затаиться в тиши,
Не печалюсь, а дальше что будет,
И покинув все страны,
И все позабыв берега,

На одно уповать,
Ну, спасите те же всё-таки, люди.

2016

Утро с Фаби

Наш старый сад в метелях забурел
И увальнем лежит сугроб горбатый,
Тяжелый снег на твердь дорог насел,
И не поднимешь тяжесть всей лопатой.

Мы с Фаби рано начинаем жизнь,
Ещё темно, а мы уж бродим парно,
Ты только не спеши, не подскользнись,
Обманчива так твердь и так коварна.

В калошах старых, древний плащ, что смерть,
Я как отец, согнул в отчаянье спину,
А ты несёшься, развивая шерсть,
И все четыре лапы твёрдо сдвинув.

В такие дни забудем холода,
Целебней подморозья не бывает,
Метель вернётся, это не беда,
Без удержу настой весны глотаем.

Забыть печаль, на всё махнуть рукой,
И зовы вёсен под сурдинку слушать,
Такого утра благостный покой
Нам с Фаби честно исцеляет души.

2016

Февраль на март

Стало небо синеть не февральски,
Словно март затаился в вершинах,
Растопило замёрзшие льдины,
Но к утру замерзает стремглав,

Чёрным абрисом сосны прочертят
В небесах заколдованных дверцы,
Чтоб лукаво в лугах приоткрылись
Все секреты февральских забав.

Порошит то, то солнцем ласкает,
То сугробит, а то согревает,
То-то игры затеет природа,
И статистика вся кувырком,

Я не видел подобного сроду,
Не спросясь, заигралась погода,
Днём по крышам потоком стекает,
В ночь искрится прощальным ледком.

В снах берёзы вдруг выгнули спины,
Запестрели стволы чернотой,
И куда лёгкий взор ты не кинешь,
На весну затаился настрой.

Взгляд туманит чуть видимый дым,
Прибавляется день аккуратно,
И колотит капелью азартно,
Словно дятел по соснам седым.

2016

Приближая весну

Мороз оттаял в феврале,
Завил дорожки снежный вензелем,
Узором лёгким на стекле
Заплакали изгибы кренделем.

Чуть побурел комками снег,
И от тепла по крыше валится,
Ну, прикорну я в лёгком сне,
Пусть солнце греет на завалинку.

Мечтаю здесь и здесь грущу,
Зима отстала расторопная,
И палкой дырки колочу,
Не тронут роз морозы грозные.

Они, под снегом затаясь,
Должны хранить своё дыхание,
Порошит лёгким снегом вязь,
Им чертит сладкое название.

Под тёплым ветром оживут,
Весна наполнит бурно соками,
Чуть прорастут, слезой всплакнут,
И оживут с листвою ропотом,

В них затаился майский стон,
И красок яркое цветение,
Когда распустится бутон
И полыхнёт на удивление.
Ну а пока они в тиши,
Снегами плотно убаюканы,
Весна, ты только не спеши,
Ещё морозы будут злюками.

Всему настанет свой черёд,
И долгожданный и негаданный,
Так затаился Новый год,
Чтоб тешить новыми проказами.

Вздохну и выйду на крыльцо,
Снег то сопит, а то сжимается,
Я помню, как твоё лицо
Весенним соком наполняется,

Ещё цветенье впереди,
А годы – с ними легче справиться,
Не торопись, не уходи,
Пусть этот год на радость сладится.

2016

Свет огонька

Этой истомой пропарятся
Крепкие дни февраля,
Верный мой друг,
Мы не старимся,
Зимы проходят не зря.

Средь бездорожья промерзшего
Вечных сугробов, что спят,
Бродят цветными надеждами,
Нам исцеленье сулят.

Мы вот, ужо, распорошимся,
Снегом крутым пометём,
Что ж ты, родная, хорошая,
В сердце тепло мы спасём,

Руки согреем надеждою,
Беды без снов отпоём,
Чтоб, согрелись, как прежде мы,
Светлой свечи огоньком.

2016

Опять ожидание (в день св. Валентина)

Затяжной февраль растравит душу,
То ли на тепло, то ли на холод,
По утрам так птиц тревожно слушать,
Зимний тихий бред, весенний клёкот.

Снова льдом закованы дорожки,
Выйдешь – тянет запахом мимозы,
Бродят тени гулко, осторожно,
Капают тяжёлых сосен слёзы.

Сон один и тот же часто снится,
Снег скрипит, бреду, ты только слушай,
Коль душа в унынье – помолиться,
И прилечь на мягкую подушку.

Как весны дожждаться, я не знаю,
Вечные замучили сомненья,
И когда глаза я закрываю,
Вижу первых крокусов цветенье.

Напишу записку Валентину,
Горечь расставаний пусть отсрочит,
В грустных строках боль свою отрину,

Как тяжёл февральский бархат ночи.

2016

Памяти Станислава Юлиановича Жуковского на выставке в Даевом переулке

Вот мельница. И крутит талый снег,
Подгнивших лопастей прочервленный покой.
Мне прикоснуться б к ней слегка рукой –
Но трогать живопись опасное занятие.
А лучше глазом прикоснусь,
Внимание своё, зрители, не тратьте.
Художник был ты, вовсе не солдат,
Но пал в жестокой брани за отчизну,
Холсты твои усталые стоят,
Покрыты пылью.
Тихо, смолкли звуки, как на тризне.
И звёзды синим сном торжественно блестят.
Уют усадеб дворянских ты писал,
Где ландыши небесным сном сияли,
В покое барские покои почивали,
Скрипела мебель,
вспоминая прежних всех жильцов,
Всех кавалеров, дам, поэтов и творцов,
Огонь каминный щекотал поленья,
И отражалось солнце позднее на стенах,
И струйкой вился вдаль равнинный дым

По заводам и пахотам седым.
Остатки снега вниз сползали
к скромным речкам,
Печальные глаза ворон по-человечьи
Так грустно провожали солнце на закат.
Цвет чёрных пашен, белизна берёз,
Рябинных ягод кровь – ты им внимал,
И чувствовал, и знал, и понимал,
Но скоротечна жизнь,
Хоть кто-то с пафосом сказал:
«Искусство вечно».
Прекрасен был «Союз», тех, кто любил
Поля и нивы, чтил восходы и закаты –
Всё, чем живёт Россия, чем она богата,
Чем дышит, чем она спасётся,
Чем этот добрый край исконно мил.
Жуковский, Аладжалов, Виноградов,
Петровичев – птенцы гнезда Серова,
и взрастил вас Левитан,
Вы собирались здесь из дальних стран,
чтоб снова
Россию славить, не бравурно, скромно,
Любили вы её как мать родную, как свою,
Её пусть хвалят, пусть её клюют,
Писали уголки, что прятались укромно, тихо,
Но вскоре грозно накатило лихо.
Пылала вся страна, как на пожаре,
И утонула та Россия в Светлояре.
Художник, волею судеб гонимый,

Обязан был за честь
вступиться близких и любимых,
И дерзкий критик бит журнальную статьёй,
За славоблудье, оскорбительное чванство,
Не знаем мы, что перенёс ты в этот миг.
Пространство
Тебя перенесло в иные дали. Снова ты писал
Край вечный польских и озёр, и рек.
О, где бывает счастлив человек,
На Родине иль близ неё, кто знает.
Для тех, чья жизнь есть сон,
Чужой отчизны не бывает.
Дымился край, поруганный, но гордый,
На левом берегу стояли орды,
На правом не хотели в бой вступать.
Не снизошла к несчастью, благодать.
И осеняя в смертный час себя крестом,
Шептал ты в немощи и боли:
«Минует, Матка Боска, скоро лихо»,
Закрыв глаза, молился, а потом
Шептал ты снова пересохшим ртом,
Что «еще не згинела польска» тихо.
Художник вольный, всем артистам брат,
Ты пал в жестокой брани как солдат,
Своей судьбы и участи достоин,
Искусства и судьбы невольный воин.

Странный февраль

Странный февраль. Не кружится метель,
Что-то с погодой внезапно случилось,
Чуть потеплело и льда канитель
В снежную слякоть с утра превратилась.

Вся в ожиданье природа вздохнёт,
Пористый снег дышит влагой и дремлет,
Скоро ль весна к нам дорогу найдёт,
Греет под снегом промёрзшую землю.

Замерло всё, или чудится мне,
Белый покров все поляны приметил,
Крокусы цвет набирают во сне,
Чтоб полыхнуть с первым солнечным светом.

Дробь барабанную дятел пробьёт,
Чтоб пробудилась весна неотложно,
Звук затаится, в вершинах замрёт,
Бродит посланник весны осторожно.

2016

Опять о лучевом

Что не даёт мне ранним утром спать,
Какие гложут памяти лемуры?!
В ночной тиши так слёпы и понуры
Стволы деревьев, в тьме их не видать.

От этих просыпаний я устал,
И перемалывая прошлые невзгоды,
Не верю и не подсчитаю сроду,
Так сколько в прошлой жизни потерял.

Отчаянье находит так порой,
Что никуда от этого не деться,
Спасаясь тем, что вспоминаю детство
И вместе с ним свой просек Лучевой.

Пруды, что днём сверкали в тишине,
Средь сосен и берёз особым глянцем,
Сияло солнце в них протуберанцем,
Всё видится нечётко, как во сне.

За проволокой колючей тень посадки,
Не знаю, кто решил её хранить,
Но часовых не стоило винить,
Ведь ягоды черёмухи так сладки.

Всей прошлой жизни был недобрый знак –
Каре из мрачноватых построений,
В нём и ютился, всем на удивленье,
Наш тёмный и бревенчатый барак.

Тот длинный свет съедавший коридор,
Под потолком велосипеда, сани,
Топили печь несытую дровами
Хозяйки, кто добыл что, кто нашёл.

Пел репродуктор чёрный на стене,
С шести часов утра звучали марши,
Была то воля мамы. А в стране
Юнцы сидеть готовились за партой.

И школа за пожарной каланчой
В Сокольниках, что близко от Стромынки.
С портфелем переполненным в обнимку
Я утром брёл дорогою крутой.

Бюст Сталина. Мы, мимо проходя,
Честь отдавали и салютовали,
Быть может, что-то мы и понимали,
Краснели, красный галстук теребя.

Как в марте грянул гром в пятьдесят третьем,
Сирены выли и гудки неслись,
И плакали и взрослые, и дети,

Все будто с этой музыкой срослись.

Едва успев тирана схоронить,
Делили власть соратники натужно,
Была она им до зарезу нужна,
И в этом тоже некого винить.

А мы, тех лет беспечных пацаньё,
Под барабан и с пионерским гимном,
В восторге были иль в испуге сильном?
А в воздухе кружилось вороньё.

Что ж, память возвращается опять,
Уж я не молод, не совсем здоров,
И просыпаться стал от смутных снов,
Что утром не дают спокойно спать.

2016

Посвящается родословной отца моего, Дудакова Александра Пантелеевича, 1920 г.р., село Фащевка (фрагмент)

Я не знал своей родословной,
Концы в воду прятали, огороды тяпали,
Катал дед меня на возу,
А бабка держала козу,
Год шёл пятьдесят второй
Может и пятьдесят третий,
И часто пускали слезу,
Мол, возьми на воз дед,
Покупаться в свежескошенном сене.
А он нам в ответ:
«Не топаете ногами от лени,
А всё норовите сладко
Проехать на чужой лошадке».
Да не лошадь была в пристяжке,
А исхудалый вол с впалыми ляжками,
«Ось побачим, ось побачим,
Как мы деда раскулачим», –
Была такая шутка, но была ещё и правда –
Раскулачили деда в тридцатые,

Морили, мотали, да так и не достали,
Но добили в пятидесятые.
Семья казака от правды далека.
Детей было девятеро, да умерло четверо,
Ну, делать видно, нечего,
Молчали казаки, молчали,
Писни спивали:
«Ой на, ой на гóре тай жинцы жнуть»,
И отца моего зачали –
«А по пид горою ярым, долиною
Казаки йдуть...»
Эх ты горе, Дон-Донбасс,
Штреки, шахты, терриконы,
Нынче праздничек у нас,
Этот праздник похороны,
Хоронили из забоя, кто не вышел, тот помёр,
А ещё голодомор,
И начальничек в погонах.
«Ох начальничек, ключик-чайничек,
Отпусти на волю...»
Смерть, смерш, лютый враг,
Выходи вперед, казак,
Два притопа, три прихлопа,
Знать, пора тебе прихлопнуть.
Смилуйтесь, ридны люди,
Уголька давать не будем,
Перебьёте всех подряд,
Кто же выйдет на наряд?
Дело было вечером,

Почесал затылок дед,
Делать стало нечего,
И без боя из забоя
Он подался в кузнецы,
А потом родилось трое,
Девки-парни молодцы.
Баба Оля поневоле:
«Растопырьте пятерню,
Чем кормить их, не пойму...»
Жалко, жалко, дюже жалко,
Все патроны в тёмной балке,
И от красных, и от белых
На отвалах переспелых.
Любимая игрушка –
снаряд противотанковый,
Любимая подружка –
кузница да наковальня.
Хрясь, хрясь, не добил,
Только палец перебил.
Шла вдоль балки тётка,
Гарная молодка,
Жбан несла пешком
Со свежим молоком.
Хрясь, хрясь, по снаряду,
Не взрывается, зараза.
Нутка, мы его в костёр,
То-то будет разговор.
Тётка вправо, тётка влево,
Воет воем очумелым,

Ну а мы, едрёна мать,
Враз тикать и не орать.
Терриконы, терриконы,
Вот в округе было звону,
Что незванны партизаны
Постреляли из нагана,
Всё на бис, всё на бис
Рядом с шахтою «Три бис».
Под спелую вишней зарыт пулемёт,
Но больше в том доме никто не живёт,
Бандитская свора Петра Порошенко
Порушила дом тот маленько-маленько.
«Вечер низенько, солнце близенько,
Выйди до меня, моя серденько...»
Нет уж мамы, нет уж папы,
Я давно уже седой,
Незаметно, тихой сапой,
Разменял восьмой десяток,
И не чую даже как,
Вдруг узнал, что я казак.

2016

Папа умер 23 февраля 2011 года в день Красной армии
в городе Мо –
скве, в должности зама начальника Управления кадров
Министерства
Финансов России в кремлёвской больнице от воспаления
лёгких.

Зверь

Не тяжки ранние вставанья,
Несытая ночная мгла
Разбудит вновь воспоминанья
О зле, сопернике добра.

В часы грядущего рассвета
Крадётся гордый, хищный, злой
Зверь, что находит по приметам
Блаженный след земли сырой.

И я бреду, как этот хищник,
Строкою резкой и прямой,
И кружится легко, неслышно,
Дурман над буйной головой.

Пишу не исповеди ради,
Но аз отмщенья сам воздам,
И в нашем загорянском саде
Гуляют звери по ночам.

И мне по-прежнему не веря,
Живёшь со мною много лет,
Мой след затравленного зверя
Так тонко высветит рассвет.

2016

Я видел птицу

Я видел птицу. Шла кривясь,
Чуть прыгала, дрожа от боли,
Но было видно: Божья власть –
Пусть жить больной, чем жить в неволе.

Кто учинил такое зло
Над птицей гордой с взглядом цепким?
Тебе сейчас не повезло,
Но ты смела, взлетишь на ветку,

И перебитое крыло
Срастётся, дайте минут сроки,
И всем дрянным котам на зло,
И пусть во зле трещат сороки.

Ума им, видно, не дано,
Сочувствия и сожаленья,
Они, как дряхлое вино,
Не получили масть с рожденья.

Вся жизнь для них – блестящий лом,
Что воровать и тырить стоит,
И оттого они – на слом,
И совесть их не беспокоит.

А, впрочем, может я не прав,
И резонёрствую занудно?
У каждой птицы есть свой нрав,
Но нрав людской расчислить трудно.

С тобой, ворона, мы ровня,
Горжусь гербом я не напрасно,
Подбиты крылья у меня,
Но я креплюсь, судьба не властна

Сбить, даже если путь не прям,
И темень вокруг, смеются злыдни,
Делить бы горе пополам,
Но всё же за тебя обидно,

И в судьбах наших не срослось,
Хоть мы горды и молчаливы,
Но знаем: всем чертям на зло
Всё стерпим, будем же счастливы.

2016

На выставке Лукаса Кранаха Старшего

В лук амура стрела заряжается вечно,
Зов Венеры чуть слышен
с прозрачною влагой в глазах,
Что же скажешь ты мне,
что прошепчешь мне,
Друг мой сердечный,
Золотые монеты пристали к твоим волосам.
Груды римских развратниц,
смеётся лицо Купидона,
Целомудренность здесь не в чести,
всюду страсти сплелись,
Среди стольких страстей,
сосчитай ты поди – миллионы,
Но есть главное –
ты красоте в эту ночь помолишь.
Пусть кривятся в порыве глухом
безобразные рожи,
И плюют в Магдалину,
мол, спутница будешь греха,
И идут фарисеи, на чёрта обличьем похожи,
И кричит по утру трубный глас
без конца петуха.
Этот грех, этот смех

и кудланье проворной цесарки,
Безобразий неумных и пошлых
лихой угомон,
Награжу я тебя, приласкав,
широко и по царски,
Среди стольких страстей,
сосчитай, ты поди – миллион.
Но величем своим
охлади всех разнузданных, жадных
Ты наставь, Монсеньор,
И к поклонам святым призови,
И на мир, полный зла,
ниспошли ты видений отрадных,
В вере чистой, Христовой,
весь мир до конца укрепи.

2016

Рассвет с Фаби на даче

Когда проявится рассвет
Под птичий свист разноголосый,
Один я, никого здесь нет,
И дремлют вечные вопросы:
О прошлом, смысле бытия,
Моих шатаниях беспутных,
В которых воля не моя,
А тех, кто тихо и прилюдно
Соблазны вносит, затаясь,
И злобно строит многим «куры»,
То вечной тьмы коварный князь,
От тех напастей нет микстуры,
Таблеток верных, чтоб потом
Срок излечения быстро минул,
Но Фаби машет мне хвостом,
Рассвет грядёт и морок сгинул.
Собачья верность, что верней,
И не предаст, и радость вносит,
А рассужденья поскорей
Забудем, вмиг к чертям забросим.
Собаку молча приласкав,
В грехах покаюсь неустанно,
Да, верный пёс, я был неправ,
В моих терзаниях постоянных,

Пора отмаливать грехи –
Великий пост, великий случай,
Ты, Фаби, в этом помоги,
Ты, чёрт, оставь меня, не мучай.

2016

Загорянское утро

Как прежних тихих утр покой я знаю,
Молчанье сосен, лёгкий шум берёз,
И этот день наставший мне принёс
Вновь тишину. Ещё слегка светает,

А птичий свист не переходит в гомон
Весенних чуть хмельных речитативов,
Но оживают празднично, игриво,
Подснежники в траве полужелёной,

С следами бывших здесь морозных дней,
Что подпалили цвет до желтизны.
Но травы прорастают, им нужны
Утра с игрою света и теней,

Лучи тепла, пусть непрямые, в дымке,
Рассвет ведь только медленно крадётся,
И вновь его дыханье отзовётся,
Серебро проявит, как на смытом снимке.

2016

Пунцовые щёки апреля

Пунцовые щёки апреля раскрасит весна,
Надует ветрами, пронзительно вихри взметнёт,
Шатаясь, дорогою лёгкой под утро взовьёт
Флажки облаков, и природе уже не до сна.

Промоется вешним потоком лесной косогор,
Увявшие травы восстанут, вплетя изумруд,
Берёзы свою ежедневную вахту несут,
Чтоб не проворонить нарядный весенний ковёр

Подснежников белых и крокусов в снах голубых,
Пролесков и, в солнечных пятнах,
густых одуванчиков рати,
Всё то пёстрорядье,
которое праздничным платьем
Украсит полян разнотравье, доселе нагих.

Ревнива природа, всю зиму цвета сохраняя,
Чтоб выплеснуть молча сквозь утро ушедшей ночи,
И верба распустит свой цвет, словно пламя свечи,
Как знак Воскресенья природы
и Господа став.

Высокая участь

Со строчкой встаю и со строчкой ложусь,
Печальная участь – судьба графомана,
Которую сам описать не берусь,
Поскольку пишу для себя, без обмана,
Не теша сравнениями с чьим-то величием,
В речах не юродствуя, выпренным спичем
Не славя своих многогранных талантов,
Потуги на избранность, мелкое чванство –
Быть может, грызут древоточцы души,
Но лишь не выпячивай, скрой, не спеши.
В конечной оценке сухого остатка,
Одно только ценно: поэтом останься,
Не рифмы узор, не мелодика ритма –
Пленительный вздор. Для меня очевидны
Волненья души, неподвластной и странной,
Её назначенье – быть тонкой мембраной,
На всё отзываться, бродя по апрелю,
Страдать и сочувствовать. В это я верю.

2016

Покой апреля

Так покоен апрель в предпасхальные утра,
Соловьиная трель скоро рани взорвёт,
И неброская зелень свой рост поминутно
Под настойчивый голос кукушки сочтёт.

В наступившем рассвете неярка она,
В дымке светлой чуть брезжут берёзы стволами,
Это ранняя робко крадётся весна,
С сокращённой ночью, но сладкими снами.

Первый сок побежал по стволам и кустам,
Чуть забросил в вершины целебную влагу,
Прикоснулся волшебю к нагим деревцам,
Чтобы сбросили осени старую тягу

Пожелтевшей за зиму увядшей листвы,
Им пора обновляться надёжно, не броско,
Каждый день непременно проглянут ростки
Постоянного нового свежего роста.

Соловьиные трели готовят концерт,
Будет занавес поднят под грома раскаты,
Предпасхальная тишь. Лёгкий утренний свет,
Затаились в апреле предлетние старты.

2016

Немухину – вечно

Володя, прости. Как-то мне несподручно
К тебе обращаться, в века ушедшему,
И наша пятидесятилетняя дружба
Не позволяет. Дружба сердечная.

Ты мне помогал, как и близким многим,
Добротой, заботой, одним присутствием,
Покой вносящим, советом строгим,
Который всегда был – твоё напутствие.

Весна. Распустились деревьев купы.
Любил ты Туржанского и Левитана,
Российских мелодий слышались звуки
В твоих картинах, кому-то странных.

Судьба, что учёба, что вечная парта,
Экзамен на зрелость сдаём постоянно,
Так сложно значение твоих карт
Расшифровать в нашей жизни,
да это не главное.

Стареем мы все, и каждый по-своему,
Одни мудреют, другие в запой
От собственной славы, иные «в простой»,

В безделье старения. Но есть немногие,

Жизнь которых не трудная мука,
А труд, без которого меркнет свет,
Мы знаем, грядёт впереди разлука,
Заведено так. Ответа нет.

Наказанье это иль Божья милость?
Готовимся к этому целую жизнь,
Но коль уж дано, что это случилось,
За верную дружбу крепче держись,

За память близких, картины в музеях,
Со зрителем близость, что в радость дана,
Ну кто говорит, что мы стареем?
Мудреем, и крепче градус вина.

Глоток его – от сна кто-то ожил,
И в радость ему сомнения мук,
Так будь же вечен в сей день погожий
Немухин Владимир, художник и друг.

2016

Апрельский призрак

(В. Немухину)

Призрак смутный бредёт в апреле
К пасхальным дням,
Я в уход твой ещё не верю,
Не смог принять,
Крест поставит нам жизнь обидно,
В итоге ноль.
И неясно, неочевидно,
В чём жизни соль,
Утро раннее алкоголем
Волнует кровь,
По ночам кто же нас неволит,
Его не тронь,
То ли зверь, то ль колдун коварный,
С ним не шути.
Поезд движется санитарный,
Уже в пути,
Нас подхватят под белы руки
В носилок ряд,
Пост Великий – он для разлуки,
Стоят, скорбят.

На смерть В. Немухина

2016

Звезда апреля

Светло. Апрель оправил солнцем
Небес весеннюю лазурь,
Раскрой глаза, быстрее зажмурь –
Игривый луч сверкнул в оконце.

Последних холодов примет,
Ещё неделя перед пасхой,
Не расточит природа ласку
До дня, что всем приносит свет.

В ту ночь, что глаз нам не сомкнуть,
Опять торжественно и строго
Господь укажет нам дорогу,
На праведный направит путь.

И сколько звёзд не загадай,
И сколько не отбей поклонов,
Звезда ночи просветит лоно,
Её ты сердцем распознай.

2016

Кануны Пасхи

Какой настрой, какая благодать влита,
Душа моя свободна и светла,
И облаков ещё ночная свита
Не выплыла из дальнего угла.

Застыло небо в сумерках заката,
Чуть розовый налёт на кроны лёг,
И отдалённо, как-то виновато,
Гудит с вершин натужно самолёт.

Не виден след высокого движенья,
Полоска быстро растворилась в зыбь,
И, кажется, без всякого сомненья,
Я в небе сны угадываю рыб.

Они скользят через года и лета,
И вроде все всё знают наперёд,
Но кажется мне, отдалённо где-то,
За мною старость в молодость грядёт.

2016

Миндаль в Нагасаки

Я видел в садах Нагасаки
расцветший миндаль,
Где розовым пламенем ветви объаты до древа,
Чуть слышны звучащего
строгого тона запевы,
Нежны, но упруго-воинственно
смотрят все вдаль.

Земля обожжённая раны давно залечила,
Раскинулся парк,
там где ад разорвал вышину,
Достойно и кротко природа в покое застыла,
Застыло движенье, Тебе поклонясь одному.

И розовой птицей
миндальные ветви взлетали,
И в небо седое стремились,
что только держись,
А здесь, в Загорянке
лишь в первых цветах расцветали,
В Пасхальное утро, когда начинается жизнь.

Первые дни мая

Нередки дни стоят, когда покойна зелень,
Слегка подует ветер, птица пролетит,
Ничто не потревожит и ничто не огорчит,
В начале майских дней природа в тихой лени.

Хоть влагой налилась живительной окрест
Ручьёв, болотцев, озерцов застывших,
Из странных и заброшенных в округе мест,
И с берегов затерянных и мшистых.

И эти соки гонит мая стать,
Берёзы распуская, клёны, липы,
Оглянешься – какая благодать,
Узорной высечкой каштаны вокруг налиты.

И гладит глаз зелёный бархат древ,
Расцветок находя немислимые грани,
И наглядеться тьмой оттенков не сумею,
Так тонко зрение и душу ранит.

2016

Не заладилось утро

Я знаю, что волки не впадают в спячку,
Медвежья привилегия –
в сугробе отлёживаться,
Но зиму прошлую вспомню, значит,
Как же жизнь эта незаметно съёживается.

Сначала становится дышать трудно,
На любом подъёме, какой бы ни был,
А потом приходит мысль довольно занудная,
Это не сумел, а это не сделал.

И если раньше нагонял столбы верстовые,
Как-то считая, выстраивая в ряд,
Не спешу теперь, и мысли такие:
«Да чёрт с ним, что ж возвращаться назад?»

Боль в висках по утрам, сомненья,
Да стоит ли, видно случай не уберёг,
Не просишь у Господа терпенья,
Надеешься, вдруг вывезет, авось повезёт.

А оно не везёт ни вправо, ни влево,
Застопорилось, тарахтит на месте,
Да ещё тараторит и приговаривает то и дело:

«Довольно, наездились, а теперь уж слезьте».

Маршрут к концу, фонари гаснут,
Рельсы сходят не волей перспективы,
Что же так прожита жизнь напрасно,
И вот докатился, и больше нет силы.

А жить ещё надо, не то чтобы хочется,
Дел не доделано выше крыши,
И глупое сердце отчаянно колотится,
Может, хоть кто-то его услышит.

Не себя жалею, а тех немногих,
Кто знал черты моего лица,
Что за черти создали этих двуногих,
Если Бог не наладил их до конца.

Сколько раз распускались отчаянно нюни,
Рыдания пудовые содрогали подушку,
Вот-вот и петух жареный клюнет,
Да кому-то ведь надо всё это слушать,

Иль слышать, поди разберись точнее,
А нужно кому, если б только знать,
Не задалось утро, закончу скорее,
И поплетусь анализы на психа сдавать.

Что-то взгрустнулось

Расплескалась черёмуха,
яблоней цвет не проклюнулся,
Не пойму, как на лето зима обернулась – никак,
И с зарёю умывшись,
встаю по утру пригорюнившись,
Вспомнив предков своих,
в поколении третьем казак.

То ли что растерял,
то ли вспомнилась родина Фашевка,
Жили матери предки хотя по деревням Москвы,
Те в сапожниках были, а кто в ямщиках,
и ненастьями,
Чтоб согреться в дороге, свои разжигали костры.

Хоть холопствует быдло,
но взрыв затаит покаянное,
Ропщет в тихих овинах и злобу за чаркой пасёт,
И как эта черёмуха в дни распалённые, пьяные,
Буйным цветом весенним
вечерний покой разорвёт.

Сладко шепчет апрель,
соловьиные трели в смятении,

Полной грудью вздохнуть,
разгуляться, да как бы не так,
И заплачу навзрыд,
позабыв про основы – рождения,
Загрустивший в саду, в поколении третьем казак.

2016

Услышь

Пальцем влезаю в больную рану:
«Какого чёрта, хватит, больно!»
Задумаюсь, а всё-таки странно:
«Довольно, всё-таки жжёт, довольно!»

Успокоение не приходит,
Просыпаюсь не шатко, не валко, безбашенно,
И будто ночами зверь злобный бродит
И рычит, а мне тяготно, не страшно,

Хотя и не хочется просыпаться,
Лень беспробудная днями метит,
Устал я с этой жизнью бодаться,
Подправлять в себе то другое, то третье.

Да и выяснять, чего же заложник,
Совсем запутавшись: нищий – богатый,
То, вроде, поэт, то, вроде, художник,
А то и стяжатель, ешьте, нате.

Сам себе строю всякие «куры»,
Философствую мелко, рассуждаю рьяно,
Возражаю кому-то, а то ещё, сдуру,
Всё думаю, как свернуть её, жизнь окаянную.

Богу утром молиться мало, не клонит,
Что-то не особенно помогает,
В церковь ходить, отбивать поклоны,
Читать Евангелие, да кто ж его знает?

Что уготовано нам во спасенье?
От себя ведь, известно не открестишься,
Господи, дай доброты и терпенья,
Свеча в молитве вечерней светится.

2016

Хвала ступе

Что-то не пишется сегодня
про веточки-цветочки,
Хочется землю по-собачьи разрыть,
Нервы на пределе, дошёл до точки,
И молчать трудно, и говорить.

Целый взрыв накопился, в душе клокочет,
Крышка паром стучит, сорваться готова,
И дни баламутит, и пакостит ночи,
А вопросы всё те же и снова, и снова:

Как же семьдесят лет прошумел-прогулялся,
То ль жар-птица манила, то ль мираж во снах,
То ли сдуру впотьмах за славой гнался,
Чтобы сейчас не на лаврах быть, на бобах.

Дом вокруг, обернись, пенит полной чашей,
А от пены свербит неизбывной тоской,
Что ни день, то ошибка, и в жизни нашей
Все мелькает впотьмах быстрой чередой.

А утрами слёзы, что же, поверьте,
Видно, нервы зажало в сплошной кулак,
Вот прислал бы мне кто-то блоху в конверте,

Чтобы враз укусила, не шлёт, дурак.

Утром в церковь не тянет, шепчу молитвы,
То двенадцать, а то тридцать с лишним все,
А в горле свербит, будто острой бритвой,
И желанья – не те, и спасенья не те.

Ну, а где оно, главное – боль притупит,
Вот отрада б была, вот бы благодать,
Истолочь её в гулкой медяной ступе,
До спокойствия зелья вокруг подмешать.

Отворите калитку, и по апрелю
Выйду, небом вздохнув, облака согнав,
Не с ума же сошёл я, ведь, в самом деле,
Коль в дороге давно, эту жизнь приняв.

2016

Вспоминая наше плавание

Я к тебе обращаюсь: внезапно весна затопила
Холодов приморозки
и теплом их приветить смогла,
Тихо землю согрела,
оставив на Божию милость
Перекрестья дорог, на которых ещё не была.

Мы неожиданно проплыли
по тропикам влажным и жарким,
Сингапур и Тайланд,
по затонам вьетнамским в Шанхай,
Грезил свежий апрель
расцветающим жарким подарком,
Распускался пирующий утрами
яркий миндаль.

И забывши себя, все года и препонов заслоны,
В возраженьях замолкли мы,
спорить совсем перестав,
Вдаль стремится корабль,
плечи наши и головы клонит,
Как по юности ранней
склоняло друг к другу не раз.

И под ветром чужим
с свежей влагой и посвистом птичьим,
Где плескалась волна
в равнодушную дерзкую даль,
Доверяли слова мы друг другу
без всяких приличий,
Что развеять могли наших ссор
и тоску, и печаль.

Нет целебнее вздохов
и утренних прикосновений,
Слов чуть слышных, проснувшись в тиши,
свет лишь брезжит в окно,
Это мир просыпается,
словно в день первый творенья,
Это сердце усталое ждало, так ждало давно.

2016

На девятое мая

Я родился,
когда забывались страдания войны,
Инвалиды в декабрьские
зимние прятались щели,
И не думал никто, неужели и в самом мы деле
От опасной той жизни земной
навсегда спасены?

С сорок первого до сорок пятого плавился ад,
Похоронками птицы летели,
сломавшие крылья,
Кто же выживет, было неведомо,
стонами выли,
Но надеялись, может быть
кто-то вернётся назад.

И под танками грозно саднила,
стонала земля,
И проложен был скорбной пехотой
весь трудный маршрут,
Шли обозами мёртвых тела,
кои в вечность везут,
И печально склонялись головой
в небесах тополя.

Будьте прокляты те навсегда,
кто в безумье своём,
В блудный час над Россией
занёс шестипалую руку,
Отгремели, застыли за семьдесят лет
все победные звуки,
Ну а тех, кто ушёл безымянно,
пусть степь отпоёт.

Величают вас марши и золотом блещет парад,
И георгиевских лент
перекрестья сплетаются в волны,
В поминальные списки ушедших
заглянем невольно,
Будет орденских планок
над вами шуметь листопад.

2016

Яблоням мая

Цветение яблонь – нет чище и ярче цветов,
Державная кипень и нежная ласковость мая,
И шёпот вздохнувших
предутренних сонных садов,
Когда от любовных забот соловьи замирают.

Протяжная дымка зари осветит небеса,
Чуть тронуты ветром качнутся алея вершины,
И первых пронзительных птиц зазвучат голоса,
Сквозь бисер пока не краснеющих
ягод рябины.

Кудлатых черёмух
ещё не промытые свечи стоят,
Цветение вишен пылает нарядным узором,
Цветы подвенечные сливы в лучах золотят,
Лишь яблони строгие белым сияют подзором.

Стройней колоколен,
белей православных церквей,
Снегов, ране выгнавших в путь
многотрудный и санный,
Скорей прикоснись ты
к России расцветшей своей,

И руку её поцелуй, замерев покаянно.

2016

Тяну я груз знакомств

Тяну я груз знакомств сквозь жизнь свою –
К кому привязан, к тем, кого люблю.
Мне кажется, впитал улыбки тех,
С кем близок был или соприкасался,
Встречался, в ссоре был иль расставался,
Чей телефон хранил я в жёлтой книжке,
Обидят коль – вычёркиваю вдруг,
С кем говорю, с кем провожу досуг,
Созваниваюсь часто или редко,
Чьи речи собираю на заметку
Летучих иль банальных тёртых фраз,
Слова которых вовсе не указ,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.